БЮРО
ГАЗЕТНЫХЪ ВЫРѢЗОКЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Надеждинская ул., д. № 32.
Телефонъ № 61-59.

Названіе газеты
РУССКАЯ МОЛВА
Мѣсто выхода
СПБ
дата 6/III 13 № 84

Русскій драматическій театръ.

Гастроли Гондатти.

Молодая артистка Н. М. Гондатти явилась въ Петербургъ послѣ цѣлаго ряда бурныхъ успѣховъ въ провинціи, и, нѣсомнѣнно, петербургскіе театралы ждали ее съ интересомъ, съ готовностью привѣтствовать въ ней новое яркое дарованіе. Почему бы и не явиться ему изъ провинціи, хотя бы изъ самаго отдаленнаго и глухого угла ея! А наши петербургскіе драматическіе театры—въ общемъ, такъ плохи и такъ нуждаются въ молодыхъ талантахъ.

Гондатти пріѣхала съ репертуаромъ, въ которомъ Петербургъ слишкомъ хорошо помнитъ покойную Коммиссаржевскую. Но и это отнюдь не вызвало предубѣжденія противъ нея. И когда послѣ первыхъ скучноватыхъ сценъ «Дикарки», раздался за кулисами звучный молодой голосъ и смѣхъ, и артистка шумно выбѣжала въ своемъ живописномъ деревенскомъ нарядѣ, съ растрепавшимися черными волосами, закружилась, затараторила, захохотала, въ залѣ пронеслось радостно-сочувственное дуновеніе. Обликъ «дикарки»—смуглой, черноглазой, пышущей здоровьемъ, чуть-чуть нескладной и буйной—сразу подкупилъ зрителей,—и когда она заливалась смѣхомъ, забавно морща носъ, показывая ослѣпительно-бѣлые зубы и махая руками съ растопыренными пальцами—становилось весело и хотѣлось смѣяться вмѣстѣ съ ней. У Гондатти—низкій, довольно пріятный, не рѣзкій даже въ выкрикахъ, голосъ, хорошій грудной смѣхъ, необычайно-живой южный темпераментъ, — и все это бросилось въ глаза съ первыхъ же мгновеній. Замѣтно было, что артистка взволнована миловидное круглое лицо ея съ большими глазами и плотными щечками казалось не только излишне-раскраснѣвшимся, но и напряженнымъ. Чрезчуръ громкій говоръ ея можно было объяснить недостаточнымъ приспособленіемъ къ акустикѣ залы. И въ теченіе всего перваго акта и комичныя ужимки «дикарки», и непрерывный смѣхъ ея въ публику, съ той же ребячливой гримаскою и тѣмъ же оскаломъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ,—сами по себѣ производили впечатлѣніе настолько яркое и свѣжее, что не хотѣлось даже слѣдить за текстомъ пьесы, — по правдѣ сказать, вѣдь вовсе не художественной, а довольно плоской даже въ томъ, что относится къ психологіи самой «дикарки», хотя мы знаемъ, какъ благодарна можетъ быть эта роль для крупной и гибкой въ своемъ дарованіи актрисы.

Но въ слѣдующихъ актахъ—всѣ тѣ же пріемы, все тотъ же смѣхъ, тотъ же громкій напряженный говоръ—зачастую съ оборотомъ въ публику, та же порывистость и пылкость внѣшнихъ движеній при отсутствіи внутренняго движенія—того художественно переживаемаго самою артисткою и захватывающаго насъ развитія чувствъ, намѣченнаго драматургомъ, которое и составляетъ такъ называемое дѣйствіе на сценѣ. Яркій и выпуклый внѣшній образъ, созданный г-жею Гондатти, не раскрывался въ оттѣнкахъ своего психологическаго содержанія. При всѣхъ перипетіяхъ пьесы въ «дикаркѣ» чувствовался только темпераментъ, только примитивная жизнерадостность, только неудержимо-плещущая стихія молодыхъ животныхъ инстинктовъ,—и многія сцены пьесы выходили грубовато-натуралистическими, безъ всякой тѣни поэзіи, которую можно внести и въ эту роль, выдвинувъ чисто-человѣчную сторону душевныхъ переживаній «дикарки»: ея увлеченіе мнимой утонченностью Ашметьева, острую боль ея разочарованія, которая толкаетъ ее, буйную и отчаянную, въ объятія другого, только что отвергнутаго ею человѣка. Невольно напрашивалось сравненіе съ Коммиссаржевской, которая вносила въ страстный и чувственный обликъ Вари Зубаревой нѣчто трогательно-дѣвическое, примѣшивала къ тому юмору, съ которымъ она изображала ея неотесанность и неразвитость, щемящія ноты горечи и грусти. Ничего подобнаго ни на минутку не промелькнуло въ игрѣ Гондатти.

Но отложимъ до слѣдующаго спектакля сужденіе наше о томъ, представляетъ ли собою молодая артистка сколько - нибудь замѣтное художественное дарованіе, или же первое яркое впечатлѣніе отъ нея въ началѣ пьесы зависѣло отъ совпаденія ея природныхъ данныхъ съ особенностями исполняемой ею роли—«дикарки».

Любовь Гуревичъ.